

ИСТОРИЯ многонациональной советской литературы еще не написана. Это яркая, богатая, поучительная история того, как под влиянием ленинских идей, на основе их осуществления сближались культуры советских народов, как благотворно эти культуры действовали друг на друга, по-братски делились своим достоянием, обогащаясь в этом взаимодействии. Это история того, как сблизились литературы многих народов в одно русло, как вместе с победой социализма в нашей стране возникла единая многонациональная советская литература.

Один из самых последних фактов, свидетельствующих об этом единстве, — Ленинские премии 1959 года по литературе. Как известно, они присуждены казахскому писателю М. Ауэзову, украинскому — А. Довженко и русскому — Н. Погодину.

Советские писатели считают идею единства своей литературы одним из ее главных достоинств, ее определяющим качеством. Только в стране с таким морально-политическим единством народа, как Советский Союз, и могла возникнуть такая литература. Это великое завоевание Коммунистической партии, ленинской национальной политики. Советская литература не может не быть единой. Ведь, кроме служения народу, у нее нет других задач.

А народ наш един в своих устремлениях. Сейчас эти устремления сконцентрировались на главном — выстоять великий семилетний план, так ощутимо приближающийся нас к коммунизму. Эти устремления советских людей с огромной силой выразил XXI съезд партии. Состоявшийся непосредственно перед нами сразу же после него республиканские съезды писателей продемонстрировали единое желание всех советских литераторов быть максимально полезными участниками в огромных делах, задуманных партией и народом.

Единство советских писателей выразилось, в частности, во всеобщем стремлении достойно воплотить тему современности. Слова «современность» и «семилетка» для советских писателей стали сейчас синонимами. Стоит отметить, что на писательских съездах неоднократно раздавались голоса, направленные против жонглирования понятиями «современное звучание» и «современная тематика».

Нам нужны, говорили писатели, книги не только современные по духу, но прежде всего книги о сегодняшнем дне, книги, в которых наш современник, строитель коммунизма, увидел бы и распознал самого себя таким, каков он есть, каким его увидел правдивый глаз, почувствовало острое сердце художника. Современники ждут произведений о величии своих дел и благодеянии своих мыслей, произведений, которые учат жить по-коммунистически, делают людей еще чище, еще лучше, еще мужественнее и прекраснее. Такова огромная и единая задача, которую партия поставила перед советскими писателями всех национальностей.

Решать эту задачу советские писатели, как и раньше, будут в книгах, передающих всю предельную национальную особенность, традицию, индивидуальную манеру авторов.

Чудное разнообразие советской литературы особенно усилилось после XX съезда партии. Ликвидация последствий культа личности позволила всем советским литераторам сделать быстрый и существенный шаг вперед. За последние годы появилось немало произведений, разных по своему художественному уровню, но позволяющих нам во весь голос отрицать обвинения в незначительности, серости, похоти, до которых так охотно иные зарубежные критики реакционно-ревизионистского толка. Назовем некоторые из новых книг, ограничившись только прозой: «Путь Абая» М. Ауэзова, «Пробужденный край» Г. Муромова, «Школа жизни» С. Мухомова, «Сильные бури» Ш. Рашидова, «Гитика-невеличка» А. Каххара, «Берег ветров» А. Хитта, «Земля и народ» Р. Сирге, «Перекос» О. Гончара, «Ровь людская — не воина» М. Степанаха, «Средь гор» Т. Сыдыкбекова, «Черные скалы» Мехти Гусейна, «Слянные воды» М. Ибрагимовича, «Снежная вода» М. Ибрагимовича, «Снежная вода» М. Ибрагимовича, «Снежная вода» М. Ибрагимовича.

История многонациональной советской литературы потому и не написана, что это дело очень сложное из-за грандиозности, из-за масштабности предмета, хотя эта история насчитывает всего три-четыре десятилетия. Надо изучить историю взаимоотношений, взаимовлияний, взаимобогащения, показать, какими особыми путями шли литературы всех советских народов к овладению методом социалистического реализма. Ясно, что самое почетное место в этой истории будет принадлежать русской литературе. Ее благоприятные условия признают все писатели Советского Союза. Бесспорно, влияние здесь не одностороннее. В братском сопереживании с другими литературами обогащалась и русская литература.

Деловая дружба литератур ширится с каждым днем, даже между такими далекими — территориально — литературами, как, скажем, прибайкальские и среднеазиатские. Писатели хотят чаще встречаться между собой, чаще совершать поездки по братским республикам, вместе

обсуждать творческие вопросы. Писатели предлагают различные практические формы деловых связей. Движение это есть отражение более общих процессов, переживаемых советским обществом. XXI съезд обратил внимание на то, что национальная политика Коммунистической партии в современных условиях заключается в еще более тесном сближении всех социалистических наций, во всестороннем развитии их экономики и культуры на основе товарищеского сотрудничества и взаимопомощи.

Заслуживает внимания и еще один процесс, происходящий сейчас во всех наших литературах и также являющийся свидетельством их бурного роста. Речь идет о «наступлении» литературной молодежи. В некоторых писательских союзах молодежь составляет сейчас около половины всех членов. Во многих писательских организациях молодые писатели уже делают с опытными мастерами негласно ответственность руководства. Своим участием в текущей литературной практике молодые писатели доказывают, что они уже не только будущее литературы, но и ее настоящее. Имена некоторых молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков из республик стали популярны у читателей. Это, например, Ю. Маринявичюс и А. Баткаис (Литва), Г. Присел и А. Веян (Латвия), А. Адамович и И. Науменко (Белоруссия), А. Сулакавиц и Р. Белянский (Литва), Ч. Айтматов и Ш. Бейшеналиев (Киргизия), О. Шарфутдинов и П. Кадиров (Узбекистан) и т. д.

Успехи советской многонациональной литературы, бесспорно, значительны. Итоги этих достижений подвели съезды писателей в республиках. Однако не было такого съезда и не только съезда, но и, пожалуй, отдельного доклада, отдельного выступления в прениях, где взяла бы верх самоуверенность. Наоборот. Писатели ответственно подошли к оценке своей работы и, отмечая успехи, подчеркивали: по сравнению с той гигантской работой, которую ведут партия и народ, достижения еще малы, наша литература остается в большом долгу перед народом.

Долг этот прежде всего заключается в отсутствии достаточного количества высокохудожественных книг о современности. Никто не собирается «перегнать палку» и объявлять произведения о прошлом нужным или маловажным делом. Но все же нельзя не признать, что, во-первых, мало еще книг, где был дан образ нашего героя-современника в полный рост, а во-вторых, книги о современности часто получаются бледными, во всяком случае уступающими по мастерству лучшим книгам о прошлом.

Повышение профессионального мастерства различных советских литератур за последние время несомненно, но столь же несомненно необходимо усилить борьбу за дальнейшее и постоянное повышение этого мастерства, за чистоту литературного языка, против серости и ремесленничества. В этом выводе — один из главных итогов писательских съездов. В будущей истории многонациональной советской литературы наше время — время перехода к развернутому строительству коммунизма — займет особую страницу. Делегаты XXI съезда КПСС не раз в своих речах обращались к советским художникам слова, вли в них первых помощников партии в деле воспитания строителей коммунизма. «Чтобы прийти к коммунизму, самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскроются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего», — эти слова во. Н. С. Хрущева в первую очередь, может быть, относятся к писателям. Выполняя эту задачу, советские писатели из всех республик тем самым покажут всему миру великое значение нашего семилетнего плана — важной ступени в строительстве самого справедливого и прекрасного в истории общества.

Удельный вес национальных литератур Советского Союза неуклонно возрастает с каждым годом. В связи с этим III Всесоюзный съезд писателей, несомненно, уделит вопросам развития литератур народов СССР значительно больше внимания, чем Второй. Это справедливо. Это необходимо. Это требует жизнь.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Год издания 31-й
№ 58 (4024)

Суббота, 16 мая 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Содружество

Избавить народы от кошмаров атомной войны!

КАК уже сообщалось в нашей газете, Стокгольмская сессия Всемирного Совета Мира 13 мая закончила свою работу.

В соответствии с новой структурой Всемирного Совета Мира функции президента движения сторонников мира осуществляются всем его президиумом в целом, который подлежит переизбранию на каждой сессии Совета. Участники юбилейной Стокгольмской сессии избрали президиум из 19 человек, в состав которого вошли Эммануэль д'Астье де ла Вигьер (Франция), Джон Бернал (Англия), Изабелла Блом (Бельгия), Лоран Казанова (Франция), Илья Эренбург (СССР) и другие видные общественные деятели. Члены президиума (президенты) избрали президентом-исполнителем английского ученого Джона Бернала.

Кроме Воззвания к народам, на заключительном заседании были приняты Общая декларация сторонников мира, декларация парламентариев, резолюция по германскому вопросу, резолюция о положении на Среднем Востоке, по вопросу о национальной независимости, по атомному вопросу, об атомном оружии и репрессиях против сторонников мира, а также призыв к проведению всемирной кампании за сокращение военных расходов и за ликвидацию «холодной войны». Эти резолюции — полностью или в изложении — были опубликованы советской печатью 15 мая.

ВОЗЗВАНИЕ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА К НАРОДАМ

После долгих лет «холодной войны» представители великих держав, от которых зависят судьбы мира, должны встретиться.

Народы всех стран хотят этой встречи, чтобы предотвратить вооруженное столкновение, к которому может привести положение в Германии, чтобы избавить народы от кошмаров атомной войны и открыть путь к разоружению и мирному сотрудничеству.

Подводя итоги своей работы за десять лет, Всемирный Совет Мира призывает всех сторонников мира потребовать:

— Прекратить навсегда испытания ядерного оружия, запретить ядерное оружие;

— Разоружить вооруженные силы в тех районах, где существует угроза миру, и в первую очередь в центре Европы.

Мужчины и женщины, активно участвующие в борьбе за мир в каждой стране! Ваши митинги, походы и кампании разбудят миллионы людей, которые сердцем с нами, но еще не приступили к действию.

Их пробуждение и организованная борьба заставят государственных деятелей встретиться и не расходиться до тех пор, пока не будут сделаны первые шаги на пути к миру. Такие шаги необходимы для ликвидации «холодной войны», для обеспечения права всех народов и каждого человека в отдельности на свободу и мирную жизнь.

СТОКГОЛЬМ, 13 мая 1959 года

Делегаты Третьего всесоюзного съезда писателей — П. Бровка, Я. Новиченко, А. Малышко и О. Гончар. Фото А. ЛЯПИНА

ОБ ОТКРЫТИИ ТРЕТЬЕГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Правление Союза писателей СССР извещает делегатов Третьего съезда писателей СССР, что открытие съезда состоится 18 мая 1959 года, в 12 часов дня, в Зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

ВСТРЕЧА В ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

14 МАЯ в новом здании Центрального Дома литераторов состоялось новоселье. В большом уютном зале собрались писатели Москвы и представители братских республик, съехавшиеся на Третий всесоюзный съезд, ученые, артисты, рабочие московских предприятий, композиторы, художники.

Вечер открыл первый секретарь правления Союза писателей СССР Алексей Сурков. На вечере выступили Леонид Соболев и Сергей Михалков.

Со словом приветия к писателям обратились театральные деятели С. Бирман, О. Лепешинская, И. Козловский, В. Плещин. От ученых столы выступили академик П. Ребиндер.

В новом здании Дома литераторов — два зала, просторные холлы, комнаты для работы и дружеских бесед. Здесь в дни заседаний съезда будут проходить творческие встречи с писателями братских республик и зарубежных стран.

С. ЗАЛЫГИН

ТОМСКИЕ ВСТРЕЧИ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ИДУ в десятый корпус — один из учебных корпусов Томского политехнического института. Здесь красивый уголок города, старинные учебные корпуса, но тут же близко и окраинные избушки, видны уже сосны загорного парка.

Много институтов довелось мне повидать на своем веку, но такого учебного корпуса что-то не припомню: в коридорах повсюду какие-то детали и машины, в аудиториях же — столы и стулья, никаких наглядных пособий. Зато нижние этажи все заняты мастерскими, и люди здесь — в кирзовых сапогах, в серых халатах, не то студенты, не то рабочие — сказать трудно.

Звонко. Начало академического часа. По давней привычке жду, что вот сейчас корпус весь умолкнет, несколько запоздавших студентов пролетят по лестнице, чуть-чуть не столкнувшись друг с другом, пройдут в аудитории лекторы с портфелями, и потом все стихнет, только будут слышны в коридорах размеренные голоса этих лекторов.

Ничуть не бывало: несколько аудиторий заполняются студентами, а корпус по-прежнему гудит моторами, кто-то режет металл, и молодой рабочий лод по-прежнему сует тут-ся-сюда.

Нахожу кафедру Кононова — комната № 111. Удивлен: на кафедре только студенты. Один читает, другой пишет что-то, третий разложил на столе какие-то детали.

Спрашиваю — где тут зав. кафедрой? Подходит ко мне молодой человек, черноглазый, с тем выражением лица, которое как-то сразу вмещает и юность, и серьезность, даже мудрость:

— Вам кого?
— Зав. кафедрой Кононова. Борис Александрович.

— Так это буду я.
Я поглядываю на него и стал расспрашивать, как и где он учился в школе. Это же верный признак: если совершенно запросто и радостно, как о вчерашнем дне, человек рассказывает о школе, — значит, он совсем еще молод. Не годами — душой.

Так вот, спрашиваю:

— В Томске кончили школу, Борис Александрович?

— Нет. Учился в деревне, в одном райцентре.

— А где все-таки?

— В Шербакуле... Есть такое село...

— От Шербакула километров шестьдесят, от Москаленок — сорок. Близко через Шербакулку на Максимовку и Потаповку, — подсказываю я. Как же вы не знаете Шербакулку, — это же в Омской области!

Ну, а дальше разговор идет сам собой. Узнаю, что Борис Александрович кончил школу в 1948 году, институт — в 1953, диссертацию — под руководством профессора А. А. Воробьева защитил в 1958 году. И дипломный проект, и диссертация были на одну тему: новые конструкции бетатронов.

Еще вопрос:

— Студентом, наверно, усиленно занимались в научном кружке?

Улыбается:

— Помню, уже на пятом курсе прочел я однажды роман. Там один профессор говорит другому: эту истину знает каждый студент... Если он, конечно, не занимается спортом! Вот тут я подумал: «Ведь я четыре года занимался преимущественно спортом!»

— Бег? — спрашиваю у Кононова, глядя на его легкую, стройную фигуру.

— Бег... Ну и еще велосипед, лыжи, коньки, немного — гимнастика и довольно порядочно — шахматы.

Молчу.

Кононов же говорит, что дипломный проект увидел его больше, чем бег, лыжи и шахматы вместе взятые.

— А все-таки — есть спортивный разряд?

— Разряд-то есть, а вот времени нет теперь.

Переходим к делу, то есть к знакомству с бетатроном. Лично я еще готов по-распространить зав. кафедрой о нем самом, но вижу, ему уже не терпится, хочется скорее приступить к существу дела.

Для начала история — знакомлюсь с отчетом по научной теме: «Разработка промышленного образца индукционного ускорителя электронов — бетатрона (конструкция, расчет, изготовление)». Томский политехнический институт, Зан.-Сиб. филиал Академии наук СССР. Исполнитель: А. К. Воробьев, М. Ф. Филиппов, А. К. Потужный, В. Н. Титов, Б. Н. Родионов.

Дело уже «характерное» — еще бы, ему больше десяти лет. Срок громадный, и построенный тогда бетатрон — теперь реликвия, что-то от бетатрона каменного века.

От этого предка, используемого теперь для учебных целей, небольшого, кургузого, пошел потомок один другого краше, сильнее. Бетатрон, изготовленный в Томском политехническом институте, завоевал лабораторию Москвы, Ленинграда, Харькова, Пекина, получил недавно диплом первой степени на Всесоюзной промышленной выставке, а вот последний — тот, что монтируется сейчас в спешном порядке, синий, цвета голубино-го крыла, — через несколько дней отправляется в Нью-Йорк. На выставку. Он единственный в своем роде, таких нет больше нигде в мире. У него две ускорительные камеры, и мощность его возросла поэтому вдвое. Это — очень большое достижение. До сих пор считалось, что все бетатроны увеличивается в кубе с увеличением их мощности, соответственно возрастала и стоимость, а это практически ограничивало создание мощных и тем более сверхмощных бетатронов.

Мы разглядываем нью-йоркский бетатрон с изысканными округлыми формами. Опять-таки здесь только один молодой человек, а остальные — старики. Тот же Кононов, Г. А. Кабанов, годами, кажется, еще более молодой, представляющий факультет, а В. А. Москален — исследовательский институт, созданный при ТПИ. Все трое вместе эти люди не прожиги, пожалуй, еще и одной долгой человеческой жизни, а сколько уже ими создано!

Спрашиваю Кононова:

— Ну что, вам приходится что-нибудь делить между собой? — Спрашивая, имею в виду славу (она уже есть у этих молодых людей), должности (они уже высокие), приоритет (здесь он на каждом шагу).

Меня же понимают по-своему:

— Какой толк делить? Дели не дели — работы всем — вот! Выше головы. Разве только студентов делим. Студенты у нас нарастают.

— Это почему же?

— Как почему? Всякое новое дело еще не имеет средств. Оно имеет только энтузиазм. Ну, а энтузиазм — он у кого? Он прежде всего у молодых!

СПЕЛН мне такую песню:

Зачем не поехал я на север,
Зачем не пошел в офицеры?
Ловлю день и ночь метеоры теперь
На грани земной атмосферы.

Думаете — шутка?

В лесу, недалеко от Томска, в 1956 году был суботник — студенты вырубали площадку, и теперь там — тоже руками студентов и аспирантов — построена и оборудована «станция ТПН-2».

Доцент Е. Н. Филалов собрал вокруг себя несколько выпускников: они-то и сконструировали основное оборудование этой станции. Теперь в радиусе до двухсот километров она отмечает появление

всех метеоров «на грани земной атмосферы». Опять-таки я не говорю, сказав «всех», потому что станция отмечает метеоры весом до нескольких десятых миллиграмма. Мало этого, регистрируются при этом вес, скорость, направление движения метеоров и даже их температура при сгорании.

Вот три основных узла станции. Углом сконструирован инженером И. Д. Золотаревым, приемыш — Э. К. Немиров, передатчик — Ф. П. Перегузовым. Это были темы, выполненные под руководством Е. И. Филалова. Феликс Иванович Перегузов — выпускник 30-й школы Новосибирска, институт окончил в 1953 году, а теперь он — ответственный исполнитель научно-исследовательской темы.

Зла Константиновна Немирова тоже окончила школу в Новосибирске, тоже окончила ТПИ в 1953 году и тоже была одной из тех, кто «присох» к метеорной станции. Но тут дело еще таким образом обстоит: она стала женой Феликса. Правда, в эту «зону» вход журналисту уже воспрещается, и единственно, что мне удалось узнать, что сынница Эли и Феликса уже сейчас не признает никаких других мужиков, кроме радиодеталей.

Как я заметил, Феликс Иванович — человек с иронией, о своем призвании он говорит, что он «впился в это дело по уши», что, впрочем, кто всерьез станет заниматься на станции, «грозит» такая же участь неизбежно.

— Кто к нам попал, — говорит он, — тот пропал. Хотите, познакомясь еще с одним таким озорником?

Студент-дипломник Михаил Назаренко — родом из Амурской области.

В круглом стекле, над которым он склонился, как бы летящая непрерывная зеленая волна «линия разветвки», а на ней время от времени появляются «отметки» — отражения метеорных следов. Кинолента фиксирует эту дорожку, а затем уже обработчики отделяют на ней действительные отражения от множества помех. Дело это сложное, а главное — кропотливое: пока станция передается сведения в комитет Международного геофизического года, проходит месяц. Заданная сконструировать автоматическое устройство, которое тут же, на наблюдательном пункте, отделяло бы сигналы от помех. Михаил Назаренко и выполняет эту задачу. Нелегкую. Это — не обычный дипломный проект на отвлеченную тему, когда дипломник рискует получить на защите не «пять», а «четыре» или не «четыре», а «три». Здесь, если поиски не приведут к успеху, защищать будет нечего.

Назаренко — в кирзовых сапогах и не при галстуке, как, впрочем, и другие студенты, которых я видел в СКБ (студенческое конструкторское бюро), в лабораториях и мастерских.

Он совсем еще юный, весь такой светлый и внимательный, как-то особенно сосредоточенно улыбается всякий раз, как двумя штрихами на линии разветвки обозначается след далекого-далекого метеора. В наблюдательном стекле все время полыхает как бы маленькое северное сияние.

А мне вспоминается другой сибирский город, город Омск, дымяный, холодный день, когда термометр показывал что-то за сорок.

Мы — несколько десятков человек — в подшитых на два, на три ряда сибирских пухах, в уланках, в полушубках с поднятыми воротниками, стояли и слушали набравшую речь, которую по-латыни произносил историк местного университета...

Хоронили профессора Пет-

ра Людвиговича Драверта, ученого и поэта.

Мертвячая латынь как-то противоречила образу Петра Людвиговича, который жил во всех нас, — образу возмущенного, с пронизывающим взглядом небойших глаз человека. Драверт любил Сибирь и стал фанатически-страстным исследователем этой страны, ее тайги, ее тундр, ее геологии, истории, археологии и этнографии.

Он был старым человеком — не только по годам, но и по общему своему. Я помню его в старомодной шляпе, в пенсне и в толстовской булзе, и говорил он нередко тоже какими-то древними, казалось бы, уже давно отжившими свой век словами, но говорил ими о фантастических вещах, чаще всего — о метеорах. Или он буквально бредил, десятилетиями размышлял их по необъятной Сибири, писал о них очень серьезные научные труды, слал стихи и поэмы.

И вот — умер этот человек. Мы провозгласили его, и всем нам казалось, будто мы прощаемся с фантастом, где-то и когда-то утерявшим чувство реальности, глядевшим в небо с какими-то небезосновательными надеждами.

Не прошло и пятнадцати лет с того дня — время само летит, как метеор, — и сидит перед наблюдательным пультом Михаил Назаренко, дипломник, и заправляет, как что-то будничное «ловит» нечисленное множество метеоров, о котором и мечтать не мог Петр Людвигович. Но даже и это не устраивает студента. Он ищет способ автоматической регистрации небесных посланцев, чтобы и в этом заоблачном деле затрачивать как можно меньше времени, как можно меньше человеческой энергии — самой ценной, самой незаменимой и неповторимой в этом мире.

Михаил Назаренко не знал стихов Драверта. Я хочу привести их:

Из бездн Галактики свершил далекий путь,
Он скоро должен был низвергнуться на грудь
Земли, где мы живем, светилм дн
согретых.

Но воздух, тормозя его, не допустил,
Линия в слепой борьбе первоначальных сил,

Упав в объятия чужой ему планеты,

Над глазами морей и паутинной рек,
В холодной высоте свой завершая бег,
В тончайший, зыбкий шар распался
плотный камень;

И, ярко озарив полноточную тьму,
В предсмертный краткий миг сопутствовал ему,
Как факел вспыхнувший, чудесный
алый пламень.

О товарищах и сподвижниках томской молодежи — в другой раз.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

★ Наши пожелания съезду. Стефан Зорьян, Берды Кербабая, Тугельбай Сыдыкбеков.

★ С. Залыгин. Томские встречи.

★ Вера Инбер. Ответственность эта взаимная.

★ Николай Никитин. С верой в талант.

★ Эдуардас Межелайтис. Искать и находить.

★ Вл. Орлов. Поэзия, слушающая время.

★ Борис Изаков. Незавершенный подвиг.

★ Иржи Гакел. Против полуправды «свидетельства».

★ Г. Мунблит. Психологический подкол. Фельетон.

★ Дружеские шаржи и эпиграммы.

СКОРОСТЬ И ВРЕМЯ

ВЕРБА на рассвете из Москвы в Краснодарск улетел первым рейсом самолета ТУ-104-Б.

Корреспондентам газет, принимавшим участие в этом рейсе, трудно: о чем писать? Скорость туловесных самолетов уже не поражает — к ней привыкли. Вспомогательной модификации ТУ-104 100 пассажиров. Конечно, это много, но ТУ-104 берет 200...

Я летел вместе со всеми, и мне тоже трудно рассказать об этом полете. Но, как говорится, долг платежом красен, и в ответ на гостеприимство Аэрофлота, пригласившего нас, пятьдесят представителей прессы, на открытие новой линии, невозможно.

ТУ-104-Б приземлился в Краснодаре. Такой прыжок ничем и не очень заметен — только за последние несколько месяцев пассажирские линии на реактивных самолетах соединили столицу с Владивостоком, Ленинградом, Лондоном, Адлером, Ала-Атой...

— 100-местный вариант ТУ — самый выгодный из всех своих предшественников, — сказали нам перед полетом, — эта машина позволяет продолжать политику снижения воздушных тарифов.

Аэрофлотские пилоты шутят: «Скоро мы всех пассажиров по поездкам снимем...»

Начальнику отдела перевозок не до шутки:

— Мы резко увеличиваем протяженность наших трасс, повышаем коммерческую скорость, а это тянет за собой десятки новых проблем: аэропорты надо расширять, надо сократить «подсобное время», Москва — Ленинград 55 минут полета, а площадка Свердловка — Внуково час езды, — так не годится...

Аэрофлот напряженно трудится, день ото дня увеличивает скорость полета и сокращает время. Вера мы это еще раз убедительно почувствовали...

Анатолий МАРКУША

МОСКВА — КРАСНОВОДСК — МОСКВА

К сведению делегатов Третьего съезда писателей СССР

Регистрация делегатов съезда производится с 9 часов утра до 9 часов вечера в конференц-зале правления Союза писателей СССР (улица Воровского, 52, телефон Д 2-17-29).

Делегаты Третьего всесоюзного съезда писателей И. Абашидзе, М. Бахан и С. Чиковани. Фото А. Ляпина

Вл. ОРЛОВ

Наши пожелания

О ЧЕМ НАДО ПОМНИТЬ ВСЕГДА

Мы, представители старшего поколения литераторов, порою забываем своим молодым собратьям, вступающим на путь творчества в такое счастливое время. Их творческие порывы, все, что многие из нас в молодости не имели, что было закрыто для нас.

Но учителя и принципы научат лишь тогда, когда ты сам горя и восприимчив к окружающей жизни, когда ты любишь следить за живым материалом современности, и даже не следить — быть в гуще дел и событий.

Об этом мы будем говорить и думать в дни нашего съезда. Об этом, пожалуй, особенно полезно думать нашим молодым собратьям по перу. И о них, о молодых, я надеюсь, съезд наш скажет немало.

Берды КЕРБАБАЕВ

АШХАБАД

ЕСТЬ ЕЩЕ НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА!

Писать о современной жизни народа — бесспорно, наша первоочередная задача. И вместе с этим мы не должны забывать о пройденном историческом пути, ибо величие настоящего еще больше вырастает с познанием прошлого. Кроме того, чем больше в саду самых различных плодовых деревьев, тем он богаче и краше. Темы наших произведений также должны быть самыми различными, самыми разнообразными. У нас и в истории есть еще неподнятая целина!

Пусть будет больше самых разнообразных произведений о настоящем, о прошлом, о будущем — пусть еще краше расцветает сад многонациональной советской литературы! Об этом разнообразии мы должны позаботиться на съезде.

Тугелбай СЫДЫКБЕКОВ

гор. ФРУНЗЕ

КОРОТКИЕ
РЕПЛИКИ

ОБЩИЙ ДРУГ

Мне, как читателю, хотелось бы продолжить разговор о взаимоотношениях читателя и критика. Вопрос этот сложен, да ведь и читатель наш не прост. В самом деле, когда говорят: «Читатель у нас вырос, то, в сущности, как мало отражается в этой фразе истинное положение вещей».

И все же, думается мне, одна из важных задач критики — воспитывать в читателе эстетический вкус и умение проникнуть в глубины искусства.

Критик у нас — не только друг читателя, но и друг писателя. Но будем откровенны: читатель наш еще плохо воспитывается критиком, еще мало испытывает на себе эстетическое воздействие. «Профессионализм» нужен везде: я допускаю, что нужны статьи специально для писателей, для критиков и т. д. Но ведь и читатель ждет слова критики. Иными словами, пусть читатель и критик будут настоящими друзьями!

А. РЕЗНИКОВ

МОСКВА

БОЛЬШЕ РАССКАЗОВ!

...Почему-то многие наши писатели стремятся обязательно писать большие романы, а на худой конец — длинные повести. Куда делись рассказы, новеллы, небольшие повести? Мало их, очень мало!

С. ВИКЕЛЬМАН

ХАРЬКОВ

Новая техника заставляет трепетать воздух там, где еще вчера царил глубокая тишина. Разве динамика на поэзию?

Вслушаемся в ритм машин! И, главное, вслушаемся в бие сердца того, кто управляет ими! Разве не начнут тогда разрываться и ломаться шаблоны рисунков строк и их расчленение? И даже если поэт, скажем, культивирует традиционный ритм, разве не зазвучит этот ритм по-новому, когда в него врываются образы, краски и ритм новой жизни?

При всем этом было бы неправильно, конечно, отказываться от национальных традиций, не надо бояться, что они будут пахнуть старинной, отсталостью. Ведь и национальные традиции развиваются под влиянием нового содержания. Новаторское содержание обогащает и развивает традицию.

И в этой области нам не обойтись без исканий и находок. И без подробного разговора по этому поводу на нашем съезде.

Для больших исканий не было времени лучше, чем сегодня. Из кожаных, создававшихся стихов, для писания которых не требовалось глубокого знания жизни народа, его труда, его забот и стремлений, мы должны выйти в самую гущу народной жизни. Наша чудесная страна, как сказочный великан, проламывает плечами дверь в грядущее. Весь мир дивится масштабам и темпам строительства коммунизма. Кое у кого за рубежом это вызывает негодование и страх, но у миллионов людей возмущает только радость. Принять активное участие в этом строительстве — большая честь для поэзии.

ВИЛЬЮН

ПОЭЗИЯ — душа современности. Читая больших поэтов, мы почти физически ощущаем дыхание времени. Современность — душа поэзии. Настоящая поэзия всегда жила тревогами своего дня, острым чувством каждодневного творческой истории. В грандиозных произведениях Данте, Шекспира, Пушкина, в лирике Тютчева, Блока, Зюбара громко и отчетливо бьется пульс времени.

О современности поэзия говорит по-своему, на своем особом, только ей доступном языке. Язык этот подвижен, текуч. Он движется и изменяется во времени. Поэтическое чувство современности, как и все в поэзии, воплощено в образе. Каждая эпоха рождает свою поэтическую образность. Искусственно воскрешать ее в другое время, в условиях иной художественной культуры — занятие бесплодное, удел стилизаторов, не оказывающих никакого влияния на судьбы поэзии.

Поэт — всегда эхо мира, но, каждый раз внося в это эхо свой тембр, свое звучание.

В АЖНЕЙШАЯ задача нашей поэзии — раскрыть и осветить душу человека, идущего в коммунизм. Чтобы решить эту задачу сколько-нибудь успешно, нужно прежде всего

усвоить одну простую истину: требования читателя к стиху необычайно выросли и будут расти по мере того, как все богаче, красочнее, содержательнее будет становиться его духовный мир.

Математика, но шумные поэты не перестают обижаться и требовать. Обижаясь на то, что их, дескать, «не доводят» до читателя, и требуют, чтобы их издавали чаще и больше. Нередко обвиняют Книготорг в дурном отношении к поэзии вообще. У Книготорга, в самом деле, много грехов, но в том, что стихотворные сборники иной раз не находят сбыта, он, право же, не очень повинен. Любитель поэзии — самый активный, самый настойчивый, можно сказать, одержимый читатель, и если книжка стихов что-нибудь говорит его душе и сердцу, он достанет ее из-под земли. Нет, все дело в том, что сборники поэзии розны: что-то незаметно, например, чтобы книжки Твардовского залежились на прилавке...

Сегодняшнему высказательному читателю стихов не нужны ни барабанная трескотня, ни пресноводные поучения. Он хочет видеть в поэзии то единственное, ради чего она существует, — живого человека с его страстями, тревогами, надеждами, мечтами, со всей его тонкой, сложной и прихотливой духовной жизнью.

Сколько появилось в последнее время скороспелых лирических стихов на тему космоса! А сколько их осталось в памяти? Иные жалуются, что поэты пишут не столько о чудесном снаряде, а о человеке, который его создал и послал в мировое пространство.

...Мы помним о машинном чуде, но все же у нас на первом плане люди, — как верно сказал в одном из стихотворений И. Асеев. Когда об этом забывают, читателю выдается очередная порция холодной и трескучей риторики.

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, стремящиеся запечатлеть черты характера нового человека, многое в этом направлении уже сделали. Но, как во всяком большом и трудном деле, есть тут досадные и нетерпимые издержки. Нельзя не остановиться в этой связи на проявившейся в поэзии угрозе вульгаризации современной темы. Вот пример почти анекдотический, но по-своему знаменательный.

Поэт, казалось бы, следит за жизнью, в меру сил старается не отстать от нее. Он отлично знает, например, что партия и народ озабочены воспитанием человека в духе новой, коммунистической морали. Он спешит «откликнуться». Не оглядываясь по сторонам, он изучает быт коммунальной квартиры. И вот что у него получается:

Комнат мы своих не запираем.
Так что без хозяев и при них.
Если надо, в комнаты шагаем
На правах соседей дорожек...

Скажем, гость нагрянул к вам
Нежданно.
Магазин закрыт. И посему
Пять буфетов, словно с неба манну,
Утошнее выложат ему.

Затем — «Пирог». Коллективный, коммунальный пирог, который «подрумяниваться» раз» то «в честь какой-то важной встречи», то по случаю возвращения «с голубого моря» одного из жильцов, еще охваченного «восторгами отпусковых дорог». В общем: «жужем — нам это не в новинку...»

Дальше — пущее. Жильцы сообщают кулией холоду:

Пять часов ахают стаи.
Родость их не знала дня...
Дружно делили проводку,
Подметали, мыли пол...
По понятной всем причине
Улыбались мы светло.
Нарастал мороз в машине,
А в сердцах росло тепло.

Наконец, «О красоте» — это, так сказать, эстетическая декларация стихотворца:

В прихожую вхожу. Да это что же?
Повесил кто-то зеркало в прихожей.
Под зеркалом, назавтра, вихомолку,

Прибили полированную полку.
Потом покрыли столик телефонный
Сафеточкою шелковой зеленой...

Однако хватит! Что это — пародия? Если бы... Увы, это написано всерьез, без тени усмешки и, нужно думать, от полноты чувств. Это — целый стихотворный цикл «В нашей квартире», сочиненный уже не начинающим поэтом Г. Некрасовым и напечатанный в газете «Вечерний Ленинград» (19 марта 1959 г.).

И не в том главная беда, что это не стихи, а жалкие деревянные верши. Но какова «дея»! Каково представление поэта о духовном мире и запросах его современника! Что стоит одна любовно выписанная картина заскорузлого мешанского «сукта» со «столиками» и «сафеточками».

Поэт не только описывает и рассказывает. Он отваживается на некоторые общие выводы:

Это все привычный папиросы.
Впрочем, понимаем, — не пустяк.
И на удивленные вопросы,
Улыбаясь, отвечаем так:
Если мы с трибуны и в газете
Государством разным говорим:
Нужно мирно жить нам на планете,
Как же не ужиться нам самим?

Нет, тут не улыбайся, а плакать хочется. Большое и высокое, самое большое и высокое, что есть в нашей жизни, — складывающиеся новые отношения между людьми, рождение новой правдивости, — все это бездумно позаменимо какими-то убогими коммунално-кухонными радостями. Это ли не профанация современной темы! А газета, не дрогнув, печатает такие корявые и нестерпимо фальшивые стихи рядом с сообщениями о действительно необыкновенном и замечательном, что несует в жизнь бригады коммунистического труда.

Кстати, приведенный пример лишний раз напоминает, как все-таки небагато обстоит у нас дело с «газетными» стихами. Сколько раз твердили, что именно в газете, которую читают сотни тысяч и миллионы людей, может быть, впервые приобретающих к поэзии, нужно печатать самые лучшие, самые художественные, самые мастерские стихи, а не второй и не десятый сорт, поставленный на их место словесными закройщиками, набившими руку «на самой современной» теме. Если на газетных полосах будут появляться только настоящие стихи, в этом и скажется истинное уважение к поэзии, и к поэту, и к поэзии, и к поэту!

ПОТОК ПОЭЗИИ, само собой разумеется, складывается не из одних шедевров. Шедевр — вообще вещь редкая. Но бороться за настоящую поэзию необходимо, равно как и не называть поэзией то, что ею не является. Поэтому и приходится снова и снова твердить азы, что язык поэзии — особая стихия, что даже самый дельный очерк, изложенный марной речью с рифмами, еще не становится поэзией и, главное, что у поэзии свой угол зрения. У поэзии вообще и у каждого поэта в отдельности.

О том, что знаю лучше всех на свете, Скажет хочу. И так, как я хочу.

— говорит А. Твардовский. Вот ясная и твердая позиция поэта.

Новаторство в поэзии возникает из нового отношения поэта к действительности. Новые темы сами по себе еще не обогащают поэзию. Зато «старые» темы обретают в искусстве вторую жизнь, если новыми являются художественные решения. Поэтому, обсуждая вопрос о современной теме в поэзии, необходимо договориться, что такое овладение этой темой возможно лишь при условии современности самой поэтической мысли. Факт, событие, явление, случай, как бы они ни были новы и значительны, еще не сообщают поэзии современного звучания. Их сперва надобно поэтически осмыслить, то есть воплотить в образе.

Обращаясь к молодым...

В ЭТИ ДНИ закончила свою работу Всесоюзный семинар молодых прозаиков, пишущих рассказы на современную тему. Продолжался он около месяца и дал свои положительные результаты. Семинар помог прояснить многие вопросы воспитания творческой молодежи, которым на съезде, надо надеяться, будет уделено первоочередное внимание. Именно это обстоятельство прежде всего подчеркивают те из руководителей семинара, с кем довелось побеседовать нашему корреспонденту.

Николай АСАНОВ

— Говорят о семинаре — значит снова и снова говорить о том, что современная тема в литературе требует особого внимания и со стороны писательских организаций, и со стороны редакционно-издательских работников. Мы нередко видим, как все разговоры о «зеленой улице» для произведений на эту тему кончатся в тот миг, когда писатель (тем более молодой) принесит рукопись. Издатели сразу настораживаются, начинают медлить с делом. А тут бы «улице» и начинаться!

Николай ЗАМОШКИН

— Вижу, как благодарно сказались семинары на большинстве его участников. Но хватит ли у нас сил пропустить всех способных людей через такие семинары? Задачу эту успешно можно выполнять журналу «Литературная учеба», — я в нем работал и прекрасно знаю, как любима эта работа. Хорошо бы среди практических решений предстоящего съезда увидеть и решение о немедленном возрождении горьковской «Литературной учебы».

Борис ЗУБАВИН

— Рядом с двумя понятиями — «творческая молодежь» и «современная тема» мне хочется поставить — «литературная периодика». Много говорится об одном и другом, но разговоры останутся разговорами, пока за эти проблемы не возьмутся по-настоящему наши литературные газеты, журналы, альманахи. Как много они могут сделать — и для роста молодежи, и для рождения произведений на актуальную тему! Более сорока рассказов о современности было рекомендовано в печать по окончании семинара, участники которого завязали тесные контакты с московскими редакциями. Только так и нужно решать литературные проблемы!

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ
И ЭПИГРАММЫ

Михаилу СВЕТЛОВУ

Светлова понимаю с полуслова. Мы полного ждем слова. Рис. А. Соколова

Сергею ВАСИЛЬЕВУ

Пародист он и поэт. Но когда небрежен стилем его, Сожаем мы, что нет. На Васильева... Васильева! Рис. М. Арыбушева. Текст Евг. Ильина

Недавно молодой поэтессе, заканчивающей Вильнюсский университет, предложили поехать на несколько лет учительствовать в район. Поэтесса, немало удивив и даже возмущив товарищей, отказалась, она сослалась на то, что «хочет писать». Ее спрашивали, о чем она собирается писать, откуда она возьмет непосредственные, живые впечатления, без которых произведения любого художника будут рождены мертвыми. Девушка эта — одаренная, способная, но вместе с тем очень юная, ее жизненный опыт еще весьма ограничен. Недавно она принесла в издательство свои стихи, но это скорее первые пробы пера, еще слабо связанные с подлинной жизнью, скорее экспериментирование, за которым лишь должен последовать настоящий поэтический труд. И в такой-то важный для нее момент молодая поэтесса боязливо отвернулась от сурового, серьезного, но яркого лица жизни. Это был неприятный случай...

Как раз в это же время произошло у нас и другое событие, более отрадное. Несколько лет назад свой первый сборник представил молодой поэт Э. Селененис. Товарищи прочли его рукопись, она не возбудила в них энтузиазма — в его стихах повторялись мотивы, которые гораздо раньше и гораздо лучше звучали у других поэтов. Сборник не вышел в свет. После этого довольно долго мы не встречались в печати стихов Э. Селенениса. А совсем недавно наш литературный журнал напечатал его крупную поэму «Совесть». Она сразу привлекла внимание и поэтов, и — что всего важнее — читателей сочным, жизненным материалом. Молодой поэт стал врачом, уехал на работу в районную больницу и поемому писал. И в один прекрасный день труд его нашел признание. Поэма «Совесть», герои которой скромные медицинские работники, — действительно немалый успех в его творческой биографии...

Я стал сопоставлять оба факта... Есть у нас немало поэтов-профессионалов, ежегодно выходит множество сборников, среди них и неплохие. Охотно публикуются стихи в периодических изданиях. А все же, по сравнению с достижениями в других областях нашей жизни, поэзия — участок далеко не передовой. Прежде всего потому, что мало в нашем творчестве смелых, больших исканий.

В нашем понимании слово «искания» не имеет ничего общего с формалистическими вывертами. Кое-кто придерживается мнения, что поэту труднее всего писать для немногочисленных, «избранных» читателей. Нет! Гораздо труднее писать для самого широкого, самого массового читателя. Но лишь в этом надо видеть единственное оправдание существования поэзии. Иначе она просто не нужна.

Ясно, что советскому человеку не подойдут примитивные поделки, рассчитанные не на отсталого читателя, не на отсталого редактора. А такие суроваты есть, и надо сознаться, не такая уж это библиографическая редкость. С подлинной, волнующей поэзией, к сожалению, довольно мирно «сосуществуют» мало кого трогавшие рифмованные наборы слов. И поставив их не только халтурщики. Бывает, что и небезнадежные люди выдают «на-гора» серые, водянистые, пустые верши.

Возникает вопрос: не слишком ли мы, поэты, спокойны живем? Может быть, стоит подумать о том, чтобы у писателя наряду с этой его специальностью была бы другая профессия? Не слишком ли много в нашей среде оценочники и инерции? Не слишком ли мало мы ищем, мечтаем? Все это не новые вопросы, и задаю я их потому, что до сих пор, как мне кажется, на них не дано решительного ответа.

К большому сожалению могут привести только большие искания. Это, кажется, бесспорно. Но что и как искать? Прежде всего ясно, что все творческие искания должны идти от жизни, от реальной действительности.

На одном недавно состоявшемся у нас собрании послышалось: «Это нам отчасти известно». Попробовали разобраться поконкретнее. Мы спросили друг друга: в каком колхозе, на каком заводе ты жил в этом году или хотя бы пробыв продолжительное время? Увы, все промолчали. Жизнь мы, стало быть, как будто и знаем, пишем стихи, издаем книги, собираемся для обсуждения и дискуссий, жалеем, что читатель недостаточно ценит некоторые наши произведения. Но не стоит ли почаще говорить о том, о чем мы пишем, каково жизненное содержание наших стихов?

Искания должны начинаться с поисков боль-

Искать и находить

шого содержания. Место поэта — рядом с рабочим и колхозником, рядом с врачом, инженером, учителем.

Какжется, немало в наших стихах грохота станков и машин, урчанья тракторов, немало фабричных труб, цеховых корпусов и шири полей. Но если все это вместе сложить, часто получаемся весьма общий пейзаж, как будто мы обозреваем его из какого-то далека. Не хватает конкретности, точности! Услышном «общего» стихотворения — страшная особенность: оно не волнует. А это — смерть для поэзии и поэта.

Подчас — и в этом следует открыто сознаться — в наш стих проскальзывают настроения самодовольного эскуранта, постороннего наблюдателя, который и прехал, чтобы дружески пошучивать, утешить, похлопать по плечу. Это — барские замашки, чуждые писателю строящегося коммунистического общества, их надо вырывать с корнем!

Есть еще одна опасность. В некоторых стихах фиксируется лишь самый первый, непосредственный зримый план жизни. А глубинные процессы жизни исчезают. Это значит, что глаз поэта увидел, но сердце его не почувствовало и ум его не выник. Глаз, ум и сердце должны быть неразделимы.

Итак, большие искания должны начинаться с поисков нового, большего содержания. А форма? Если найдешь содержание, то обретеешь и соответствующую форму. Не может быть искания ради искания. Нельзя искать отдельно содержание, отдельно форму. Реплины формализма и эстетства возникают в поэзии не тогда, когда поэт ставит перед собой высокие художественные требования, а тогда, когда поэт не видит перед собой конкретного читателя из народа и начинает писать для какого-то абстрактного читателя. Форма, средства художественной выразительности также эволюционируют. Растет наша страна, возрастает материальное благосостояние народа, изменяются и его духовные потребности, его эстетические вкусы. Мы сами отлично ощущаем, что читателя уже не удовлетворяет художественный уровень наших произведений. Жизнь становится красивее и разнообразнее, и человек требует от поэтов больше красок на поэтической палитре. И тут уже никто не может помочь поэтам, которые не в силах идти в ногу с жизнью.

Наши пожелания

ПОГОВОРИМ
О ФОРМЕ

Художественное творчество — дело индивидуальное в том смысле, что несет на себе печать авторских индивидуальностей. Но цель его одна — оно призвано отражать нашу действительность во всем ее многообразии. И отражать, конечно, с настоящим искусством, с тем искусством, которое должно все больше совершенствоваться по мере того, как совершенствуется наша социалистическая жизнь.

В современной советской литературе наряду с крупными достижениями есть, на мой взгляд, немало недостатков художественного исполнения. Между тем, наша печать, критика и литературные организации все еще оценивают художественные произведения преимущественно с точки зрения темы и идеи, а в вопросах художественного качества нередко малозыскательны или попросту равнодушны.

На предстоящем Всесоюзном писательском съезде мы, быть может, по необходимости, много внимания уделяли отчетам. Было сказано также немало общих слов. Я бы хотел, чтобы Третий съезд серьезно занялся конкретными проблемами повышения литературного мастерства.

Советская литература, как литература новой действительности, должна создавать новые художественные формы. Об этом мы думаем, говорим и пишем мало. Это неправильно. Большие идеи современности, героический труд советских людей надо отображать такими средствами, которые максимально способствовали бы достижению литературой высокой цели — благотворного воздействия на человека.

Стефан ЗОРЬЯН

ЕРЕВАН

КОРОТКИЕ
РЕПЛИКИНЕ ТОЛЬКО РАЗУМОМ,
НО И СЕРДЕЦЕМ

Задача искусства и художественной литературы — не только разумом, но и сердцем. Оно должно воздействовать на чувства людей. Однако немало пишется еще книг, где идея выступает слишком обожжено, голо и потому мазольно.

Бесстрастность полудуховного героя в литературе — наиболее распространенный недостаток многих наших книг.

Мне хочется пожелать советским писателям: больше доверяйте своему сердцу, доверяйте ему характеры и судьбы своих героев!

Ф. ФИЛИПОВ,
техиницист
г. ЛУГАНЕСКОЛЬКО
ПОЖЕЛАНИЙ

Мы хотим, чтобы наши литературные критики писали свои статьи живым, образным, колоритным языком, чтобы можно было их читать с не меньшим интересом, чем сами художественные произведения.

Нам кажется, что следует сократить выпуск низкопробной детективной литературы, так как она приносит больше вреда, чем пользы.

Надо шире издавать международную литературу, а также произведения из серии «Жизнь замечательных людей».

ИВАШИН, ОПАНАСЕНКО,
ДЗОВА, ФАВРИННИЙ,
члены литературного
кружка Калининского
горного техникума

Николай НИКИТИН

С ВЕРОЙ В ТАЛАНТ

Н. Москвитин («Литература и газета» от 3 января и 14 апреля 1959 г.) и В. Билик («Литературная газета» от 7 марта 1959 г.) спорят о том, как работать с начинающими, как отбирать в литературу действительно талантливых людей. На творческом совещании по проблемам социалистического реализма вопрос о таланте поднял в своем докладе и Б. Бурсов. «Писатель начинается с таланта», — говорил он. Вопрос очень важный, иногда забываемый. Поговорим о нем конкретнее, применительно к литературной практике наших дней.

К высказываниям о таланте нередко примешивается и другой вопрос — мастерство. Иногда слово мастерство употребляют как синоним таланта. Иногда считают мастерство неизменным его спутником. Как будто не бывает талантов и без мастерства... Скольким в жизни случалось, когда талант обманывал себя, иногда даже губил, потому что не думает о мастерстве. Мне кажется, что мастерство есть явление производное. Это уже следствие опыта, это результат работы талантливого человека. Я не приписываю себе, что писатель без дарования станет когда-нибудь мастером.

Могут возразить мне, как же поступить в таком случае с начинающими? Как вы отыщите талант в «пробах пера»? Но ведь в первых рукописях, иногда даже неграмотных, с большими недостатками вы можете почувствовать признаки пишущего. Трудно от первых вещей начинающего требовать мастерства, но невозможно в большинстве случаев не почувствовать его дарования, конечно, когда оно есть.

Возвращаясь к спору, возникшему между В. Биликом и Н. Москвитным, я бы сказал так: все-таки определить талант писателя «мгновенно», как наличие голоса у певца, к чему, очевидно, склонен Н. Москвитин, не всегда возможно. Напротив, о таком предмете в статье Н. Москвитина ведется диалог между двумя консультантами — «литературным» (мнимым и нерешительным) и «вокальным», которому сразу все ясно. — Здесь сравнивается несравнимое. Об этом, по-моему, и не стоит спорить.

Жизнь, история литературы, ее факты дают нам на этот счет самые разнообразные варианты. Одни входят в литературу действительно мгновенно. Другие, — преодолевая неудачи... Третьи — бывают и такое — гибнут, не дождавшись признания. Лучше поговорим об ином. Я думаю, что нельзя сразу отчаиваться в человеке после его первых проб, как нельзя и обобщаться, если первая вещь хороша. Нужно не спешить с окончательным мнением. Именно так Горький и относился к начинающим, но лишь в том случае, если действительно подозревал в них способности, а не только неизвестно на чем основанное намерение «сделать» писателем. Таким он говорил прямо: «бросьте писать!». Горький был страстным человеком, он не мямлил, как литературный консультант Москвитин.

Теперь некоторым кажется, что Горький всегда гадил начинающим по головам.

Мне доводилось слышать реплики: «Вашему поколению легко было... Выдвигал Горький». Горький никого не выдвигал. К Горькому шли со своей работой. Она и выдвигала. Но даже тогда, когда Горькому приходилось по душе дарование писателя, он прекрасно умел отчитывать, не церемонился. До сих пор я помню, какое письмо получил от него о своей повести «Полет». Ее я послал ему в рукописи. Спасибо Горькому.

Я знаю ряд аналогичных историй. Вспомним П. Павленко (очерк «А. М. Горький»). «Сурово иной раз звучали горьковские упрёки. Человек сердечнейший и душевный, он был жесток, как учитель. За дурной рассказ, за неграмотную фразу без сожаления мог отказать любого». «Бранил он здорово, не щадя самолюбия, но непременно, как равный равного, без унижения...», — пишет Павленко. Речь шла о черном варианте его романа «На Востоке». Даже в революционные времена, даже писатели из рабочих, Горький не делал скидок, во всей вероятности, он это считал унизительным. Он не находил возможным уменьшить свои требования, даже учитывая тяжелые условия тогдашней жизни рабочего-писателя. «Чем более мы повысим требования друг к другу, — писал он, — тем выше поднимемся над обыденным...» Вот горьковская школа.

В интересных воспоминаниях о В. Серове известного советского портретиста Н. Ульянова рассказывается любопытный эпизод. На отчетном показе натурного класса училища живописи кто-то из учащихся, оценивая выставленные работы своих товарищей, заметил: «Работают вполне нормально». Серов воскликнул: «Нормально!.. Это-то и плохо, что нормально. Сверх нормы, сверх нормы! Тогда будет нормально!». Вот критерий для человека искусства: Серов и в зените своей славы мог девственно сеансов заниматься одним портретом.

Мне, как и тысячам ленинградцев моего возраста, памятен кировский темперамент. Сергей Миронович, критик, никогда не подбирал ласкательных слов. В редакциях же нередко наблюдаешь новую картину. Разбирается рукопись в присутствии молодого автора. И это прекрасно, что не кейдью, не за его спиной. Но все замечания настолько дипломатично утихают, правда так обильно полупудренными комплиментами («как вы не обидитесь»), что невольно думаешь: а не пропадет ли весь смысл встречи редакционного коллектива с автором? Тут мне всегда вспоминаются кировские слова: преступником будет каждый из нас, сердитом говорил в таких случаях Сергей Миронович, кто по тем или иным соображениям станет рассуждать, что вот, мол, неудобно говорить, я лучше помолчу, не буду критиковать...

Нет, абсолютно необходим нелицеприятный разговор. Особенно с молодыми, когда творческий организм поддается легке, но только искренность в отношениях может дать желаемые результаты. Недаром говорит народ: учи смолду. Лучше «обидеть» вовремя, но от сердца.

Литература, как один из видов художественной пропаганды, могущественна, но тем она сильнее, чем больше эстетических требований мы, писатели, предъявляем к себе. В Уставе Союза писателей, принятом на первом съезде, говорилось о создании произведений «высокого художественного значения». Но шли годы, и, что греха таить, в потоке повседневных мыслей подчас забывали горьковский завет: «поднимемся над обыденным».

Молодой автор ждет решения редакции не только месяца, что иной раз бывает естественно, а год, и два, и даже больше. Не проше ли было бы говорить с ним по-горьковски? Но получается иногда совсем другое, и даже неожиданное. Кто-нибудь из членов редколлегии, главный редактор или сотрудник редакции, вдруг высказывается в том смысле, что «вещь можно вытянуть».

— Но как вытянуть? Ведь нет по-настоящему выраженной художественной мысли. Нет ни языка, ни композиции.

Стиль серый. Тут отдельными поправками не ограничиваются...

— Да, конечно, повесть очень серая, но... — восклицает сторонник «вытягивания». — Но материал! Но тема!

И вот «вытягивать» весь коллектив. Работники редакционного аппарата, кое-кто из редколлегии, главный редактор, специальный, нередко приглашаемый со стороны «справщик», сияющий буквально над каждой строчкой рукописи. Трудится несколько человек, каждый со своими навыками. Работа срочная, к номеру. Все торопится — и «лебеда», и «рак», и «щучка». Наконец повесть напечатана. В издательстве она подвергается новой «химичке». Все знают секрет появления этой книги. Автор — вполне добросовестный человек. Однако он молчит. Спросим: в полном ли смысле слова он является автором? Мне думается, что нет. В переделках, в перефразировке, в многочисленных поправках, в подкаланных мелочах, в дописанных чужой рукой абзацах часто кроется истинная соль произведения. Работа над языком и стилем с посторонней помощью, «чужим пером» приучает начинающего лишь к стандартности, к тому глаголокосанию, которое хуже хаоса. Радости от таких «вытянутых» книг бывает мало.

Горький так никогда не поступал. Он был терпелив и последователен. «Ругая» жестоко, он разжигал писателя, если усматривал в нем «работорника». Но никогда не писал за него.

Редакционные «вытягивания» и «дописывания», конечно, не помощь. Мама, решающая за ребенка задачу, не научит его арифметике.

Вот случай. Я знаю одного автора, первую книгу которого «вытягивали». Служащую его вещь тоже тянули. Прошла почти четверть века. Этот Исх уже давно член союза, имеет несколько книг. Но все «вытягивались» или «дотягивались», смотря по обстоятельствам. Если завтра на какой-нибудь редакционный стол он положит свою новую вещь, я уверен, с ней по-прежнему придется «страдать». Для него такой стиль работы стал естественным.

Мне скажут: не типично. Хорошо, не типично. Значит, нетрудно от этого явления избавиться. Оно ненормально. В особенности после слов Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о том, что литература нашей страны должна стать первой в мире «не только по богатству содержания, но и по художественной силе и мастерству».

Будем же придерживаться максимума и не спускаться ниже эстетического минимума — строгого, а не обещанного. Помощь, конечно, должна быть оказана молодому литератору, но только в очень определенных, скромных пределах. Прежде всего сам начинающий должен быть воспитан эстетически. В свой талант он должен верить. Говоря об авторской самостоятельности, мы прежде всего записываем самого начинающего, чтобы подчас небрежными и торопливыми «операциями» коллектива «помощников» не была бы повреждена та спящая почка таланта (а вдруг она есть), которая не всегда бывает видна сразу и не всегда сразу «проявляется».

Приведу еще один пример. В течение двух десятков лет из молодого человека, желавшего стать писателем, несмотря на все попытки, как будто ничего не получалось. Он уже перестал быть «молодым» по возрасту. Но в отношении к нему не применялись никогда ни склижи на «молодость», ни поблажки, как к начинающему. Вещи его почти не печатались. И вот, в конце концов, после долгого труда, почти «миллиона терзаний», после опыта войны, словом, после прожитой большой жизни, из него вышел серьезный, настоящий писатель. Я бы мог назвать не одну фамилию. Но дело не в именах.

В эти весенние дни мы приняли в Союз писателей (по Ленинградскому отделению) В. Инфантьева и А. Клещенко — не называя иных товарищей, потому что не знаю их творчества. Путь «проб» Клещенко и Инфантьева был длинным — по разному рода причинам, иногда житей-

ским. Но хорошо, что этих авторов не «дотягивали», не «вытягивали». Сейчас в их работе чувствуется дыхание таланта. И дальнейшее покажет, во что он выльется. Хотелось бы сказать: в добрый путь. И надеюсь, что путь этот будет таким. Словом, лучше «пробовать» хоть пятнадцать лет, чем надеяться, что тебя будут искусственно и торопливо «вытягивать». Это важно еще и потому, что вопросы литературы — не только вопросы эстетики, но и этики.

Еще несколько слов о современной и правильной статье В. Павловой («Литературная газета» от 16 апреля 1959 года). Денег на литературную учебу, конечно, нельзя жалеть. Но расходы, по-моему, надо упорядочить. Надо тратить деньги с толком. Вот, например, в Ленинграде существует много литературных. В различных учреждениях. Они и работают различно. Почему бы, объединив издающиеся из разных источников средства, не создать при Ленинградском отделении Союза писателей (в Доме писателя) народный университет по литературе, не привлечь к работе лучшие писательские силы? Мне думается, что это дало бы лучшие результаты.

ФЕЛЕТОН

Психологический подкуп

ЧЕГО не сделаешь для науки! Известны, например случаи, когда некоторые служители евы выписывали себе все вакцины и вакцины, чтобы на собственном примере доказать справедливость научных воззрений. Или можно вспомнить рассказ об энтузиасте, который, распавшись в споре, проглотил, ничем не закусывая, целую пробирку злых, как собаки, микробов...

Но все это — по преимуществу дела давно минувших дней. В наши дни никому бы и в голову не пришло требовать от сотрудников кафедры психологии Казахского государственного университета, чтобы они во славу родимой дисциплины пожертвовали жизнью или даже здоровьем. Но вот ждать от сотрудников этой кафедры, что они в поисках истины будут трудиться во всеоружии знаний и разума, — это мы вправе.

И еще одно. Мы вправе потребовать, чтобы вышеупомянутые сотрудники не занимались этакими психологическими выискиваниями, превращая беззастенчивых писателей в материал для своих рискованных опытов. Кому же поворачивать роль морской свинки, да еще к тому же попавшей в неумелые руки.

Представим себе, например, такую сцену. Сидит в тишине своего кабинета писатель и отображает образы современных, переживает рассказы об их делах, мыслях и чувствах, общении и разрозненности пейзажами. И вот внезапно в кабинет входит ученый-психолог, подступает к письменному столу и, оглянувшись в сторону испуганного помятого рукописи, выкладывает перед хозяином длинную предлинную анкету. При этом брови ученого угрожающе сдвинуты, и ведет он себя совершенно, как председатель лавочной комиссии, производящей в магазине проверку весов.

Синто, предложенный вниманию нашего художника слова, почти «миллиона терзаний», после опыта войны, словом, после прожитой большой жизни, из него вышел серьезный, настоящий писатель. Я бы мог назвать не одну фамилию. Но дело не в именах.

В эти весенние дни мы приняли в Союз писателей (по Ленинградскому отделению) В. Инфантьева и А. Клещенко — не называя иных товарищей, потому что не знаю их творчества. Путь «проб» Клещенко и Инфантьева был длинным — по разному рода причинам, иногда житей-

носит наименование «Анкет» по вопросам психологии творчества писателя» и насчитывает двадцать три пункта.

Уже первый из них леденит душу своей суровой и недоверчивой лаконичностью и заставляет человека, коему предъявлен, почувствовать свою вину перед обществом. Он гласит: «Сколько лет вы считаете себя писателем?» Добро бы еще речь шла о том, сколько лет писатель печатается или когда он начал писать. Это звучало бы не так неприязненно и не ставило бы «ответчика» в столь цекотливое положение.

Горестно парализовать над этим и отложив на время решение важной научной проблемы, писатель обращается к следующим пунктам анкеты.

«Не случается ли вам при создании художественного образа исходить из определенного реального лица?» — вопрошает составитель анкеты и, не дав испытуемому опомниться, сразу же продолжает: «Что случилось с вами в этот момент?» Изнуренные события или ваши собственные переживания?

Писатель оторопело задумывается. Почему «собственные переживания» противопоставлены здесь «жизненным событиям»? Разве такие книги, как, например, «Былое и думы» Герцена или «Детство» Горького, не исключают возможности такого противопоставления? Писатель готов подвергнуть сомнению компетентность составителя анкеты, но следующий пункт не дает ему сосредоточиться на этом вопросе и попросту оглушает его своей изобличительной прямотой.

«Отыскиваете ли вы в себе черты создаваемых образов или ищите в окружающих вас лицах, а также в источниках литературных?» — спрашивает логикоматическим ларсом нелицеприятный ученый.

— Не брал! Честное слово, не брал! — хочется воскликнуть писателю, но каменная невозмутимость вопрошающего подавляет его. А тот не унимается.

«Можете ли вы по своему желанию вызвать у себя нужное по изображаемому образу состояние (радость, гнев, энтузиазм, карьеризм, подлость и т. д.)?» Писатель тревожно сжимается, у опрашиваемого снова возникает сомнение. Полно, да мог ли настоящий ученый-психолог отнести к одной категории такие понятия, как радость и карьеризм или гнев и подлость? Уже не мистификация ли все это анкета, соединяющая в себе детскую неосведомленность с воинствующим невежеством? Уж не подкуп ли?

А как нужно понимать следующий вопрос: «Бывает ли с вами во время творчества, что часть ваших мыслительных способностей поглощена образом, и в то же время вы способны контролировать себя и давать отчет в том, что в вас происходит?» Ну, грешно ли, если тут приходится на ум, что «мыслительные способности» авторов анкеты были поглощены вопросами безо всякого контроля и отчета? Но вот дело доходит до пункта, который окончательно загоняет вопрошаемого в тупик.

«В какой степени вам удается входить в состояние противоположного пола?» — спрашивает психолог.

Да и чем, кроме молчания, можно ответить на множество недоуменных вопросов, возникающих у каждого, кому попадет в руки анкета, которую мы только что процитировали.

Пусть не посетуют на нас ученые, всеведущие психологические творчество. Но пытливые кафедры психологии напоминают нам широко известное замечание Маяковского: «следить за какою-нибудь этаную науку, чтобы так расшевелило душу, дабы бы, так сказать, паренье этаное...»

Г. МУНБЛИТ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ
И ЭПИГРАММЫ

Сергей БАРУЗДИН

«Я читал:
Какая грусть! Конеч аллен
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные ямы
Через сугробы поползли...

Он и в прозу, он и в стих,
И известности достиг.
Текст Евг. Ильина

Евгению ПЕРМЯКУ

О ремёслах он поет,
Отдает им и чувство,
Но не знает: перевод —
Ремесло или искусство?

Рис. М. Арцыбушева

ВОКРУГ ЖЕНЕВСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Первые дни

НАЧАЛО могло бы показаться забавным: серьезные и важные дипломаты Запада повели ожесточенную битву за... форму и количество столов в зале заседаний Дворца наций в Женеве. Из-за этого более чем странного сражения официальное открытие Женевского совещания министров иностранных дел задержалось почти на три часа.

«Столовый» спор, как вы уже знаете, состоял в том, что западные державы хотели придать нынешнему Женевскому совещанию характер локальной конференции четырех государств. Поэтому дипломаты Запада требовали, чтобы переговоры велись за столом квадратной формы, к которому, кроме представителей «большой четверки», никто другой присесть бы не смог.

В свою очередь советская делегация предложила работать за круглым столом. Она указывала, что в Женевском совещании должны участвовать представители всех европейских государств, а кроме того, Советский Союз считает необходимым пригласить на совещание делегатов Польши и Чехословакии. Словом, за круглым столом в Женеве надлежит оставить и забронировать еще четыре места.

Однако западные министры выступили с чудовищным «проектом» превратить зал заседаний в некое подобие таверны: в центре один большой квадратный стол, а вдоль стен маленькие «кожусеменные» столики. Когда «варшавские» потерпели фиаско, западные министры пришлось согласиться с советским предложением — круглый стол, но с двумя стоячими рядом с ним четырехугольными столами. За последние сели делегация ГДР и ФРГ.

В ОТОРОЙ сцене «женевских прелюдий» речь пошла о Польше и Чехословакии. Встал вопрос о равноправном участии в Женевском совещании двух ближайших соседей Германии, первых жертв гитлеровской агрессии. Ясно, что это пришлось не по вкусу делегации ФРГ, и она, хитро и скрытно, развила бурную деятельность.

Для Европы всегда были очень важными не только франко-германские, но также германско-польские и германско-чешские отношения. Поскольку в Женеве обсуждалась германская проблема и конференция принимает участие западных соседей Германии — Франция, то вполне естественным было бы участие на равных основаниях и восточных соседей Германии — Польши и Чехословакии. В своем выступлении 12 мая А. Громыко решительно поддержал требования Польши и Чехословакии о допуске их на Женевское совещание и указал на моральное и политическое право этих государств активно и законно участвовать в обсуждении германской проблемы.

Однако западные союзники Польши и Чехословакии по второй мировой войне, помимо красивых фраз о мужестве и героизме польского и чешского народов, не проявили даже ма-

лейшего понимания их интересов. Прикрываясь формальными доводами, они отвергли советское требование. Они предложили привлечь Польшу и Чехословакию к неопределенной роли в неопределенное время, вместе с неопределенными «иными государствами» и только в совершенно неопределенных случаях к обсуждению неопределенных проблем Германии.

Глава советской делегации вернулся к этому вопросу на следующий день и заявил, что он будет решительно настаивать на позитивном решении данного предложения СССР.

В ОВРЕМЯ первого и второго спора можно было заметить определенную мягкость в обоюдной аргументации. Нет резкости и нервозности, характерных для переговоров Запада с Востоком в годы «холодной войны».

Этот новый тон в переговорах между Западом и Востоком особенно проявился на третий день совещания, когда министры сделали общие заявления о целях и задачах встречи. Читая в этот день тексты выступлений нового государственного секретаря США Гертера и министра иностранных дел Англии Ллойда, можно было подумать, что они пользовались одним камертоном для определения тональности своих речей.

Странно прозвучало лишь выступление министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля, выдержанное в старом, уже изжившем себя тоне. Несмотря на этот единственный скрипящий и вызывающий голос, все выступления отличаются ценной чертой: желанием, чтобы Женевское совещание подготовило почву для встречи глав правительств и установило дату, место и программу встречи.

Поскольку министры один за другим официально заявили об одном и том же желании, видимо, можно считать, что это не столько проявление телепатии, сколько доказательство понимания неизбежности встречи на высшем уровне.

Н Е СЛЕДУЕТ скрывать: несмотря на изменение тона, разница во взглядах делегаций по-прежнему все еще значительна. Но наличие даже небольшого сближения позволяет надеяться, что время работает в пользу мира, что постепенно выявится возможность дальнейших, более широких и разумных компромиссов.

Сейчас западные державы (под шум и радостные клики американских газетных «звезд») открыли свой «таинственный пакет» контрпредложений. Не будет преувеличением сказать, что этот «агро-а-а-а-а» пакет в точности напоминает историю с пресловутой горой, которая родила маленькую мышку: он не принес ничего нового. По существу говоря, этот «пакет» напоминает старыми, заплеванными предложе-

ниями, смысл которых сводится к ликвидации ГДР и вовлечению всей Германии в агрессивный блок НАТО. Какое ужасное дело!

В «Мэзон де ла Пресс» здравомыслящие журналисты не питают иллюзий в отношении этого «пакета». Здесь считают, что всеобщее разочарование от отсутствием в нем каких-либо конструктивных предложений дорого обойдется Западу: его престиж перед лицом ясных и четких советских предложений падает изо дня в день. Красноречиво заявление известного американского политического деятеля Эдлая Стивенсона. После лекции, прочитанной в университете штата Иллинойс, его спроси-

ли: — Достаточно ли хороша западная альтернатива объединения Германии?

«Возможно, — сказал он, — что полное восстановление суверенитета и права Германии определять с кем ей блокироваться в будущем в военном отношении, и соответствует демократической теории. Но это не соответствует горькому опыту России и Восточной Европы в период двух ужасных вторжений».

Высказывание Стивенсона выразительно свидетельствует о том, что западные контрпредложения отнюдь не отражают не только всех взглядов, распространенных на Западе, но даже мнения большей части американского общества.

Эдмунд ОСМАНЧИК, польский публицист

ЖЕНЕВА. 15 мая. (По телефону)

В дни, предшествующие открытию III сессии советских писателей, в адрес «Литературной газеты» поступают многочисленные корреспонденции из зарубежных стран. Это — написанные по просьбе редакции статьи и заметки, в которых писатели стран народной демократии и наши друзья из капиталистических стран делятся своими мыслями о литературе, рассказывают о жизни своих писательских организаций, о спорах и дискуссиях, о том, чего они ждут от сессии.

Сегодня статей чехословацкого критика Иржи Гаека мы начинаем публикацию полученных нами корреспонденций.

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

ПРОТИВ ПОЛУПРАВДЫ «свидетельства»

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик